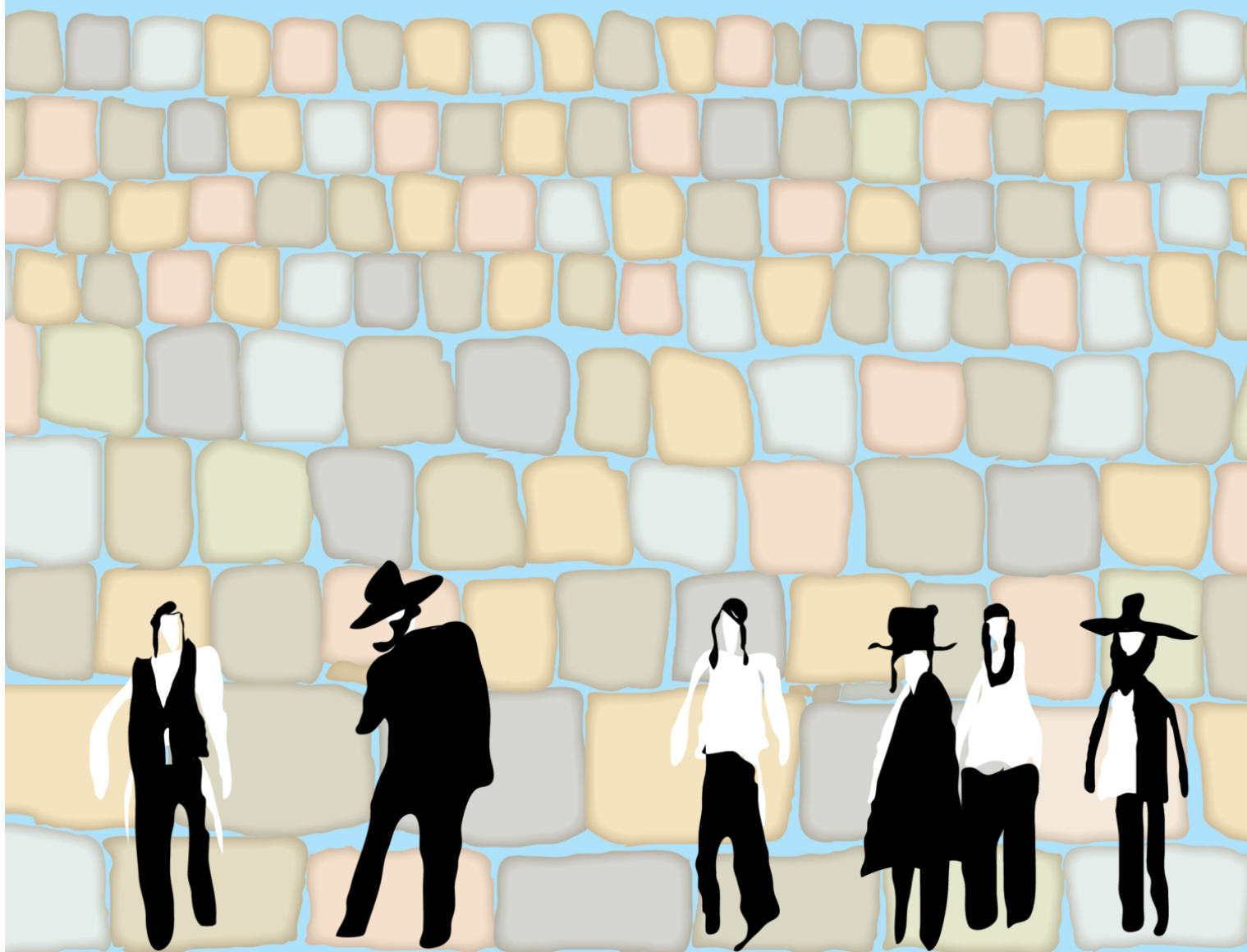

Дина Рубина

Во вратах твоих

Дина Рубина
Во вратах твоих

«ЭКСМО»

1993

Рубина Д. И.

Во вратах твоих / Д. И. Рубина — «Эксмо», 1993

ISBN 978-5-04-147808-7

...Своего ангела-хранителя я представляю в образе лагерного охранника – плешивого, с мутными испитыми глазками, в толстых ватных штанах, пропахших табаком и дезинфекцией вокзальных туалетов. Мой ангел-хранитель охраняет меня без особого рвения. По должности, согласно инструкции... Признаться, не так много со мной возни у этой конвойной хари. Но при попытке к бегству из зоны, именуемой «жизнью», мой ангел-хранитель хватает меня за шиворот и тащит по жизненному этапу, выкручивая руки и давая пинков. И это лучшее, что он может сделать... Дина Рубина

ISBN 978-5-04-147808-7

© Рубина Д. И., 1993

© Эксмо, 1993

Дина Рубина

Во вратах Твоих

© Д. Рубина, 2021

© Стоцкая Ю., оформление переплета, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается БОРЕ

Сказал Эсав Амалеку: «Сколько раз я пытался убить Якова, но не был дан он в мою руку. Теперь ты направь мысль свою, чтобы осуществить мою месть!» Ответил Амалек: «Как смогу я одолеть его!» Сказал Эсав: «Расскажу я тебе о законах их, и когда увидишь, что пренебрегают они ими, тогда нападай».

Мидраш

Останавливались ноги наши во вратах твоих, Иерусалим...

Псалом

В некоторых африканских племенах верх бесстыдства считается хождение с бюстгальтером...

Текст, не прошедший редактуры

* * *

Редактором в фирму «Тим'ак» меня пристроил поэт Гриша Сапожников, славный парень лет пятидесяти, уютно сочетававший в себе православное пьянство с ортодоксальным иудаизмом. (Впрочем, в Иерусалиме я встречала и более диковинные сочетания, тем паче что иудаизм пьянства не исключает, а напротив, включает в систему общеврейских радостей, у нас, помилуйте, и праздники есть, в которые сам Господь велел напиваться до соплей...)

А Гришка, Гриша Сапожников, носил еще одно имя – Цви бен Нахум, это здесь случается со многими. Многие по приезде начинают раскапывать посконно-иудейские свои корни. Хотя есть и такие, кто предпочитает доживать под незамысловатой российской фамилией Рабинович.

А вот Гриша, повторяю, как-то ухитрился соединить в себе московское прошлое с крутым хасидизмом – возможно, при помощи беспробудного пьянства.

Он работал в одном из издательств, выпускающих книги по иудаизму на русском языке.

Из-за феноменальной его грамотности Гришу в издательстве терпели. Например, строгий тихий рав Бернштейн, чей стол в тесной комнатенке стоял впритык к Гришиному, вынужден был терпеть запах перегара, налитые преувеличенной печалью Гришины глаза и, главное, – его драную майку. Дело в том, что по известной причине Грише всегда было жарко.

Как ни зайдешь к нему в издательство – он сидит себе в майке, отдувается, а на стене над ним висит на гвоздике малый талит. (Я объясняю для тех, кто не знает: это нечто вроде длинного полотенца с отверстием для головы посередине, с концов которого свисают длинные нити – цицит.)

– погоди, я оденусь, – обычно говорил Гриша, снимая с гвоздика талит и, как лошадь в хомут, продевая в отверстие голову. При этом его пухлые плечи с кустиками волос оставались на виду. Меня-то, как человека циничного, обнаженные Гришины плечи смутить не могли, а вот раву Бернштейну явно становилось не по себе, тем более что, беседуя, Гриша то и дело обтирал подолом талита потную шею движением буфетчика, обтирающего шею подолом фартука.

– Запиши телефон, – сказал Гриша, отдуваясь и обтирая шею, – там нужен редактор, это издательская хевра. Спросишь Яшу Христианского.

– Какого? – уточнила я преданно.

Он достал из стола бутылку водки, налил в бумажный стаканчик и выпил.

– Да нет, это фамилия: Христианский, – крикнув, пояснил Гриша. – Кстати, он пишет роман «Топчан», так что боже тебя упаси проговориться, что в Союзе у тебя выходили книги и вообще что ты чего-то стоишь. Ты ничего не стоишь. Ты – просто дамочка. Старательная дамочка, набитая соломой. Понятно?

– Понятно, – сказала я. – Спасибо, Гриша.

– Рано благодарить. Он тебе устроит нечто вроде проверки. Сцепи зубы и стерпи. Его все знают за жуткую...

Рав Бернштейн кашлянул, и Гриша, запнувшись, закончил:

– Одним словом, оглядишься.

Когда рав Бернштейн вышел из комнатки, Гриша обтер шею подолом талита и сказал:

– Тут и так жарко, а они еще окна загерметизировали.

Окна были исполосованы клейкой лентой вдоль и поперек. Как у меня дома.

– Гриш, война будет? – спросила я.

Цви бен Нахум налил водки в бумажный стакан, глотнул и сказал:

– А хер ее знает...

Накануне войны улицей темной и тесной пробиралась я в поисках восточного дворца с фонтаном и пальмой.

(Позже, при свете дня, улица оказалась самой обыкновенной, не широкой, но и не узкой, автобусы ходили в обе стороны. Что это было тогда – эта сдавленность восприятия, этот спазм воображения, это сжатие сердечной мышцы – в ожидании войны, дня за три, кажется?)

Объясняли, что справа должен тянуться зеленый забор, потом какая-то стройка, повернуть налево и войти во двор.

Кой черт забор, да еще зеленый – поди разберись в этой тьме! – я поминутно спотыкалась об арматуру, торчащую из земли, и потому поняла, что забор кончился и началась стройка...

До сих пор в слове «война» заключался для меня Великий Отечественный смысл – школьная программа, наложенная на биографии родителей и расстрелянных родственников. Но поскольку Отечество накренилось, сдвинулось и, отразившись пьяной рожей в тысяче осколков разбитого этой же рожей зеркала, полетело в тартарары, неясно стало – как быть со старыми смыслами и чего ждать незащищенной коже и слизистой глаз, носа, рта. (Противогазы нам уже выдали. Борис составил их аккуратно на антресолях хозяйского шкафа.)

Итак, накануне войны улицей темной и тесной, как тяжкий путь к свету из материнской утробы (она и называлась соответственно – «Рахель имéну», что в переводе на русский означает «Рахель – наша мама»), я пробиралась в поисках восточного дворца с фонтаном и пальмой.

Когда-то, еще до Шестидневной войны, во дворце размещалось посольство то ли Эфиопии, то ли Зимбабве, а после начала той войны то ли Нигерия, то ли Тунис разорвали дипотношения с нами (с нами? с этими, здесь, ну, с Израилем), и посольство в полном составе драпануло из дворца, оставив фонтан и пальму. На редкость крупный, можно сказать, кинематографический экземпляр: высоченная прямая пальма с мощным волосатым стволом, а вот

породу – не скажу, не знаю. В нашей стороне (в нашей? в тамошней, в российской) такого не росло.

В полнейшей уличной тьме здание мавританской архитектуры было тепло освещено изнутри ярким желтым светом, и этот свет падал на большие жесткие листья пальмы, на фонтан, подсвечивая их, словно театральную декорацию.

Я поднялась по внешней, легким полукругом взбегающей на второй этаж лестнице, миновала террасу, толкнула дверь и вошла в очень просторный, почти не заставленный холл. Через стеклянные двери аудиторий видны были юношеские головы в цветных вязаных кипах. Я пошла в боковой коридор, столкнулась с каким-то парнишкой, спросила на плохом своем иврите, где тут читает лекцию рав Карел Маркс. Тот указал на дверь, я постучала и вошла.

В этот вечер разбирали тему первой битвы Израиля с Амалеком.

Рав Маркс оказался пылким изящным чехом, жесты имел округлые, певучие: то разбрасывал в стороны сильные кисти рук, как пианист в противоположные концы клавиатуры, то расставлял их боевыми шатрами друг против друга, то вонзал указательный палец куда-то в потолок.

– Не народ против народа, – с мягким нажимом произносил он. – Но Бог против народа! – И плавной дугой вздымался вверх указательный палец.

Талантливым проповедником был рав Карел Маркс. На иврите говорил достаточно хорошо, хотя и с заметным акцентом. Гортанное, на связках «рейш», мягко всхлипывающее у сабр, у него грозно рокотало где-то в носоглотке.

В перерыве все вышли на террасу, там на столике стояли электрический самовар, одноразовые стаканчики, кофе, печенье на тарелке.

– А здесь культурно, – сказал кто-то за моей спиной, – и чисто. Они, видимо, к консервативной синагоге принадлежат.

– А я в ортодоксальную ешиву ходил, – отозвался другой, – так я в жизни столько мяса не ел, сколько там дают. Даже компот с мясом...

Домой я возвращалась в автобусе со старостой группы Гедалией – приятным пожилым человеком с лицом симпатичной козы. Кажется, он работал в университетской библиотеке.

Когда миновали район Мошава Германит и автобус въехал на Яффо, ярко освещенную центральную улицу с там и сям бегающими огоньками рекламы над магазинами, стало веселей на душе. И поскольку говорили все о том же, Гедалия сказал, неуверенно улыбнувшись в слабую бородку:

– Не думаю, чтобы бомбили Иерусалим. Здесь все-таки мусульманские святыни.

– Знаете, перспектива бомбежки Тель-Авива тоже как-то мало радует.

– Конечно, конечно! – он смутился. – И потом, у нас тут горы, а газ, как вам известно, стекает и стелется понизу.

– Да, я что-то читала, – сказала я.

* * *

Первые недели эмиграции казались тяжелой болезнью – брюшным тифом, холерой, с жаром, бредом, да не дома, на своей постели, а в теплушке бешеного поезда, мчащегося черт знает куда. Между тем деятельно занимались делами: отстаивали в нужных очередях к нужным чиновникам, получали пособия, сняли квартиру в приличном районе – правда, религиозном, да шут с ним, какая разница, даже любопытно... Вот только воду приходилось кипятить в кастрюльке. Наш новый эмалированный чайник сгинул в чудовищной пучине шереметьевской таможни.

Соседи слева подарили нам холодильник, который явно был старше, чем Страна. Он никогда не отключался, поэтому скалывать лед, выползавший из морозильной камеры, можно было только ледорубом.

Соседка справа в первый же вечер занесла мне халат и израильский флаг. Флаг был стиранным, халат – тоже. Сын настаивал, чтобы флаг был немедленно вывешен на нашем балконе.

Едва мы заволокли чемоданы в пустую квартиру и вдохнули запах только-только высохшей побелки, зазвонил телефон.

– Семейство Розенталь? – спросили гортанно в трубке.

– Нет, – ответила я по-русски и, спохватившись, исправилась: – Ло.

В трубке еще что-то спрашивали, я торопливо перебила заученной фразой:

– Простите, я не говорю на иврите... – и повесила трубку.

В тот же день съездили на благотворительный склад и привезли оттуда полную машину рухляди: несколько колченогих стульев, две тахты, диван с чужой ножкой, длиннее остальных трех, раскладушку – и огромный обшарпанный канцелярский стол, в котором не доставало трех ящичков. В единственном ящичке этого стола я обнаружила записку на русском: «Не забудь полить цветок»... *Поезд все мчался, мчался – куда? зачем? что будет со всеми нами? Дети каждый день выпрашивали три шекеля и, ошалевшие от здешних супермаркетов, бежали за жвачками.*

Мы же почти перестали говорить друг с другом, оба умолкли, даже не жались один к другому, как перед отъездом из России, когда тревожно было расстаться на час. Я подозревала, что и Борис болеет этой неназываемой болезнью...

В первую ночь мне приснился сон об иерусалимских банях. Я мылась там вместе с «досами», так называли здесь ультраортодоксов. И как в прежних своих тягостных снах о метро, я была абсолютно, до неприличия раздетой. Хасиды сурово отводили от меня взгляды и яростно намыливали на себе лапсердаки и шляпы. Колебались пейсы, которые светская публика именуется «блошиными качелями».

Я проснулась и спросила Бориса:

– В Иерусалиме есть бани?

Он подумал, сказал:

– Вероятно. В каких-нибудь отелях... Вообще бани – это не еврейская забава.

– Почему? – спросила я.

– Возможно, мы всегда предчувствовали тот жар, спаливший половину нации, ту страшную парную...

Беиеный поезд все мчался, мелькали какие-то пейзажи за окнами – средиземноморские, дивные, картинные – «Как, вы не были еще на Мертвом море? – вот где потрясающе красиво!»... Температурный бред тифозного больного: где я? где я? пить... «Это называется у нас хамсином, – приветливо объясняли мне, – нужно пить как можно больше».

В первую субботу зашли к нам доброжелательно улыбающиеся соседи, подарили Борису талит и пригласили в синагогу. Вернувшись после трехчасовой молитвы, он повалился на тахту с поломанной ножкой и сказал: для того чтоб быть евреем, нужно иметь здоровье буйвола, боюсь, мне уже не потянуть...

...Наконец сумасшедший поезд сбавил скорость, и можно было уже различить что-то за окнами его: искусно сделанные парики, похожие на натуральные прически, и густые вьющиеся пейсы, похожие на букли парика. В белой хламиде шел по тротуару царственно прекрасный эфиоп: величественно-статный, такой слишком настоящий, что даже казался актером, удачно загримированным для роли Отелло. А то два хасида, шествующих по Меа-Шеарим, напоминали Стасова и Немировича-Данченко, или вдруг ухо выхватывало из радиопередачи: «...выступал хор Главного раввината Армии обороны Израиля...»

* * *

Дом, на последнем этаже которого мы сняли небольшую квартиру, стоял на одном из высоких холмов Рамота, одного из самых высоких районов Иерусалима. С балкона четвертого этажа такой раскинулся вид на город – хоть экскурсии води. По левую руку – гора Скопус с башней университета, по правую – башня отеля «Хилтон». Вдали синела кромка Иорданских гор... Ну и так далее...

Дом стоял на холме, выступая углом; наш балкон, если смотреть снизу, с зеленого косогора, напоминал кафедру. Словом, некая возвышенность присутствовала.

Кстати о возвышенности. Мне кажется, что наличие некоего возвышения не скажу – обусловливает, но располагает к поискам в собственной душе не скажу – вершин, но возвышенностей, да. Так что я вижу прямую зависимость религиозного состояния общества от рельефа местности. Вероятно, с вершин уместнее взывать к Богу.

Что касается меня, то я всегда знала, что Бог есть. Я говорю не об ощущениях, а о знании. Это при абсолютно атеистическом воспитании в совершенно атеистической среде. То есть в полном отсутствии Бога. Моя младшая сестра в детстве перед экзаменом по музыке молилась на портрет польского композитора Фредерика Шопена, который висел у нас в комнате. Однажды я подслушала эту молитву. «Шопочка! – жарко шептала моя девятилетняя сестра. – Милый Шопочка, сделай так, чтоб я не ошиблась в пассаже!..» Так что я сразу отметаю любой диспут на эту тему.

По субботам из соседних квартир доносилось широкое утробное пение. Мелодия напоминала нечто среднее между «Шумел камыш» и «Из-за острова на стрежень». Пели здоровыми кабацкими голосами, в которых чувствовалась полнота жизни.

По проезжей части улицы по двое, по трое неторопливо шли мужчины в синагогу. Белые, с черными полосами талиты спадали с плеч, как плащи испанских грандов.

Графически это было так красиво, что первые несколько недель я поднималась в субботу пораньше, чтоб из окна понаблюдать диковинную для меня и такую обычную здесь картину: евреи в талитах шли по улице в соседнюю синагогу...

Когда вернулась способность видеть и слышать, поезд замедлил ход, пополз, остановился, и обморочно вялые, как после тифа, мы сползли со ступенек на эту землю...

* * *

Издательская фирма «Тим'ак», куда послал меня Гриша Сапожников, арендовала помещение у известной газеты «Ближневосточный курьер». Само здание «Курьера» – серое, приземистое, длинное – напоминало нечто среднее между тюрьмой усиленного режима и курятником. «Тим'ак» арендовал на втором этаже небольшой зал, перегороденный самым идиотским способом на множество маленьких кабинок. Войдя в зал, посетитель попадал в лабиринт и принимался блуждать по кабинкам, хитроумно переходящим одна в другую. И поскольку перегородки были высотой в человеческий рост, то по плывущему над ними головному убору можно было определить с немалой степенью вероятности, кто из заказчиков явился.

– Ну-с, что бы такое вкусенькое дать вам поредактировать? – ласково-небрежно спросил Яша, роясь в бумагах на столе.

Христианский оказался ортодоксальным иудеем – рыжим, томным, с орлиным носом, внушительной фигурой, схваченной португеей (какие носят сотрудники сил безопасности – с

кобурой под мышкой), и инфантильной привычкой пятилетнего бутуза оттягивать большими пальцами ремни португалии, как помочи.

– Да вот, хоть это...

Я взяла протянутый им листок с напечатанным на нем следующим машинописным текстом: «Неотъемлемым правом каждого гражданина Израиля является право быть похороненным за счет государства в течение 24 часов. Если вы желаете быть похороненным рядом с супругом (ой), следует заблаговременно заявить об этом не позднее, чем за тридцать дней до похорон...» Далее до конца страницы перечислялись погребальные льготы, положенные каждому гражданину Израиля.

– А... что это? – спросила я обескураженно.

– Какая разница? – улыбнулся Яша. Добрые морщинки разбежались вокруг его рыжих глаз. – Неважно. Не за то боролись! Редактируйте, редактируйте...

– Нет, постойте, может, это юмор...

– Ну, какой же юмор! – возразил он. – Это брошюра министерства абсорбции о правах репатриантов. Выбирайте кабинку по душе. Вот тут работает у нас Катька, там – Рита... Чувствуйте себя комфортно.

Он вышел, а я села в свободную кабинку, достала из сумки ручку и положила перед собой лист.

Первым делом я вычеркнула высокопарное слово «неотъемлемым». Затем вставила слово «покойного» перед словом «гражданина», чтобы у очумевших репатриантов не возникло впечатления, что немедленно по прибытии в аэропорт Бен-Гурион следует воспользоваться правом быть похороненным за счет государства в течение 24 часов. Получилось вот что: «Правом каждого покойного гражданина Израиля является право быть похороненным за счет государства в течение 24 часов». Я содрогнулась и вычеркнула. Написала мелкими буквами сверху: «Правом каждого гражданина Израиля является право в свое время быть...» и так далее. Перечитала и ужаснулась. Решительно вычеркнула все. Глубоко вздохнула и написала: «Если вы умерли, ваше право...» Тьфу!.. Я вспотела... Вычеркнула!.. Посидела с минуту, написала: «Каждый гражданин Израиля, умерев в положенный срок, имеет право...» О господи, а если не в положенный? Я вычеркнула все жирно и написала на полях маленькими аккуратными буквами:

«Когда вы умрете, вас похоронят за счет государства в течение 24 часов».

Сидела, тупо уставившись на эту обнадеживающую фразу, и слушала стрекотание компьютеров в соседних кабинках.

Собственно, я прекрасно понимала, что со мною происходит. Обычный стресс, повторяла я себе, такое бывает с людьми первое время в эмиграции. Например, Сашка Колманович, наш сосед, программист, в Союзе работавший над созданием искусственного интеллекта четвертого поколения, проходил на днях тест в какой-то частной фирме по производству компьютерных программ. И последним заданием была просьба нарисовать женщину, обыкновенную женщину. Очумевший от пятичасового теста Сашка нарисовал два треугольника, конус и корень квадратный из какого-то сумасшедшего числа... А это оказался примитивный тест на здоровую сексуальность. Вот и все. Так что после этого рисунка Сашка проходил еще пять дополнительных тестов.

– Рита, Рит... – послышалось из кабинки справа... – Слышь, вчера из России Синайка вернулся...

Слева, продолжая щелкать по клавиатуре, медленно спросили:

– Это кто... Синайка?

– Да сосед наш, – воскликнули справа, – профессор лингвистики, помнишь, я рассказывала – Синай Элиягу Аушвиц. Старенький, основатель кибуцев. Мы его дома Синайкой зовем...

– Ну?

– Вернулся в полном балдеже... «Коммунизм, – говорит, – коммунизм! Как большой кибуц! Свет – бесплатно, телефон – бесплатно. Коммунизм!» Особенно от Ленинграда в восторге. Пришел к «Авроре», а там на набережной бродячий оркестрик играет. Синайка спрашивает: «Гимн можете сыграть?» Лабухи говорят, мол, будут доллары – будет гимн. Он им бросил в кепку два доллара, они заиграли «Союз нерушимый республик свободных». Он от восторга чуть не спятил. «А можно, – спрашивает, – я дирижировать буду?» Лабухи великодушные, разрешили... Представляешь картинку, Рит?

Слева прекратили стрекотать, помолчали и задумчиво проговорили:

– В этом есть своеобразный сюр: в Ленинграде, на фоне «Авроры», под управлением старого израильского профессора уличные музыканты играют гимн подыхающей империи...

Мне сразу понравились эти двое, этот московский, такой знакомый ироничный говорок людей моего круга. Очень захотелось остаться здесь работать. Хоть за три копейки. Хоть за тысячу шекелей, только бы «со своими».

Я вычеркнула все, что написала прежде, хмыкнула и, понимая, что все равно все пропало, застрочила: «Не приведи Господи, конечно, но если вы помрете – не волнуйтесь. Таки вас похоронят, и довольно быстро, дольше двадцати четырех часов не позволят валяться в таком виде на Святой земле. Вашим родным не придется тратиться, государство Израиль обслужит вас по первому разряду: катафалк, кадиш, то-се – словом, не обидят, вы останетесь довольны. Если же вы так привязаны к своей супруге(гу), что желаете и после смерти лежать с нею рядом, вам следует заблаговременно придушить ее, не позднее чем за 30 дней до своих похорон».

Тут над барьером кабинки справа появилась голова, как мне показалось, пятнадцатилетнего мальчишка. Круглые черные глаза с оценивающим любопытством оглядели меня.

– Здравьете, – сказали мне. – Вы к нам редактором пробуетесь?

Я молча махнула рукой.

– А, понятно, похороны редактировать дал?

– Кать... Ты поосторожней, – послышалось слева. – Он появится сейчас.

– Да у них сейчас дневная молитва, – отмахнулась та, что оказалась Катькой. Имя ей очень шло.

– Он всем про похороны дает? – спросила я.

– Ага, – отозвалась она.

– А зачем? – спросила я. – Ведь с этим текстом ничего невозможно сделать.

– Да он его сам придумал, – объяснила Катька охотно и просто. – Развлекается...

Тотчас рядом с Катькиной головой возникла другая – коротко стриженная курчавая голова борца с удивительно хладнокровным выражением глаз. Обычно такое выражение глаз бывает у людей с хорошо развитым чувством юмора. Я догадалась, что это вторая сотрудница, Рита.

– Хотите совет? – спросила она. – Вы умеете лицемерить?

– Конечно! – воскликнула я.

– Так вот... – Она говорила медленно, словно вдумываясь в какое-то дополнительное значение слов. – Сейчас Христианский выведет вас гулять...

– В каком смысле?

– По улицам, – невозмутимо уточнила она. – И станет рассказывать про свой роман...

– С женщиной? – спросила я.

– Он будет рассказывать о своем романе «Топчан», – пояснила Рита. – Так вот... Хвалите.

– Помилуйте, как же я могу хвалить, если не читала?

– Ну, бросьте, – Рита поморщилась, словно я брякнула несусветную глупость. – А еще хвастаетесь, что умеете лицемерить. Скажите, что замысел гениален, что сюжетные повороты

неслыханно новые; и главное – просите, просто умоляйте дать почитать! Хватайте за рукава и ползайте на коленях.

Хлопнула дверь, и над барьерами кабинок поплыла черная кипа Христианского. Он оживленно посвистывал. Тут же Катюку и Риту сдуло по кабинкам, вразнобой деятельно защелкали клавиши.

– Ну, как ваши дела? – спросил Яша приветливо, заглядывая ко мне. – Знаете что, бросьте вы это. Не за то боролись. Здесь такая духота, а на улице благодать, теплынь. Не хотите ли пройтись минут десять? Заодно и поговорим...

Я надела куртку, мы вышли и вдоль забора какой-то стройки, мимо ряда цветочных лотков и кондитерских пошли ходить туда и обратно по тротуару. Я шла рядом с неумолкающим Христианским и не переставала удивляться точности предсказанного Ритой сценария. Правда, начал Яша почему-то не с художественной прозы своей, а с журнала, который он сам писал и сам же издавал, назывался журнал «Дерзновение».

Вообще сразу по приезде в Страну я обратила внимание, что многие газеты и журналы носят здесь такие вот названия, с печатью тяжелого национального темперамента: «Устремление», «Прозрение», «Напряжение», «Вознесение» (нет, пожалуй, последний пример не из той, как говорится, оперы).

Так вот, сначала Яша пересказывал свою статью из свежего номера журнала «Дерзновение», в которой исследовал, сравнивал и комментировал разные взгляды исторических фигур на эпоху правления царя Персии Кира.

– Вот, посудите сами, – журчал надо мной Яшин голос, – Флавий пишет, что от начала царствования Кира до воцарения Антиоха Эвпатора, сына Антиоха Эпифана, прошло 414 лет. Поскольку Эпифан умер на 149-м году правления династии Селевкидов, на долю Персидской империи остается 414 минус 149 плюс – посчитайте, посчитайте! – плюс 18 лет, итого – 247 лет, что, по существу, то же самое, ибо любой год, завершающий упомянутые промежутки времени, может оказаться неполным. Но не за то боролись! Итак, примем для простоты 246...

Что это, думала я, кивая и изображая вдумчивое внимание, он действительно полагает, что я подсчитываю в уме годы правления династии Селевкидов, или в благоговейный трепет вгоняет? Может, он только три эти абзаца с цифрами насчет Селевкидов и выучил и всех претендентов на должность редактора уводит гулять и тут пугает до смерти?

Но нет – Яша сыпал и сыпал династиями, цифрами, именами из ТАНАХа и Флавия...

– Кстати, имя персидского сановника самарийского происхождения, присланного Дарием, последним царем Персии, в Самарию, представляется мне подозрительно знакомым. Так и есть! Через всю «Книгу Нехемии» проходит самаритянин Санбаллат, изо всех сил мешающий евреям восстанавливать Иерусалим...

...Я смотрела на далекие покатые холмы Иудеи, словно принакрытые шкурой какого-то гигантского животного, выдавшие и Санбаллата, и Нехемию, и многих-многих других, в том числе и прогуливающихся меня с Яшей, смотрела и думала: день потерян безвозвратно.

Потом мы зашли в кондитерскую, и Христианский угостил меня пирожным. К этому времени он уже перешел от исторического журнала к своему роману «Топчан», и я, по Ритиному совету, вставляла – не скажу восхищенные, к этому моменту я порядком притомилась, – но поощрительные реплики вроде «очень интересный ход», «прекрасно найдено». Христианский по виду совсем не устал, а наоборот, вдохновлялся все больше и больше, излагал гибкие свои концепции, хитроумные ходы в сюжете. Талантливо говорил... Говорил очень талантливо, то есть, по всем признакам и в соответствии с моим житейским опытом, вряд ли мог оказаться талантливым писателем.

Когда мы возвращались в здание «Ближневосточного курьера», я не выдержала и спросила:

– А вам действительно нужен редактор?

Яша удивился, встрепенулся, стал говорить о грандиозных планах фирмы «Тим'ак», об огромном количестве заказов, о том, как трудно найти единомышленников, преданных людей...

...Трижды еще я ходила в «Ближневосточный курьер», на второй этаж. Мариновал меня Христианский. Выводил гулять и там долго, витиевато и красочно говорил – и о чем только не говорил! Редактировать он мне больше ничего не давал, о листке с похоронными льготами для граждан Страны словно бы забыл. Я не понимала – чего он хочет от меня, на какой предмет экзаменует? Наконец, когда после четвертого такого променада мы подходили к серому промышленно-угрюмому зданию «Курьера», и я уже дала себе слово, что больше не приду выслушивать Яшины рефераты, на пятой, кажется, ступеньке он обернулся и сказал:

– Ну что ж, давайте попробуем поработать. Больше двух тысяч в месяц я дать вам не могу, и учтите: работы будет много, и весьма разнообразной.

После упомянутой им помесечной суммы я слотнула и заставила себя помолчать (это был период, когда за десять шекелей в час я иногда мыла виллы богатых израильтян).

– Надеюсь, проезд на работу вы оплачиваете? – наконец спросила я строго.

– Ну, разумеется, – обронил он небрежно. – В конце месяца сдадите проездной секретарше, Наоми... Правда, по моим расчетам, послезавтра американцы начнут бомбить Ирак, в связи с чем режим работы *у нас* немного изменится...

* * *

Название нашей издательской фирмы – «Тим'ак» – было аббревиатурой ивритских слов, означающих «Спасение заблудших».

Мы спасали заблудших ежедневно с десяти и до шести, кроме пятницы и субботы. По четвергам спасение заблудших приобретало размах грандиозных спасательных работ: в этот день сдавался очередной номер газеты «Привет, суббота!», которая являлась главным заказом, выполняемым нашей фирмой. Дня через три-четыре я огляделась и постепенно, не без помощи Катьки и Риты, стала ориентироваться в происходящем.

Хевра «Тим'ак» финансировалась канадским миллионером Бромбардтом, но существовала под покровительством Всемирного еврейского конгресса, того самого, что представляет в мире интересы евреев. Когда-то, годах в тридцатых-сороковых, он был реальной силой, но со времени основания государства Израиль, которое и само недурно представляло интересы евреев, знаменитый конгресс несколько потускнел. Впрочем, деньжищами, по словам Риты, ворочал немалыми и пригревал огромное количество всевозможных дочерних и внучатых организаций, филиалов этих организаций, да и просто приبلудных компаний вроде нашей хевры.

Сначала я путалась в хозяевах, не понимая, например, зачем канадскому миллионеру нужна в Израиле издательская фирма, выпускающая книги на русском языке. Но когда выяснилось, что Бромбардт и сам является членом Всемирного еврейского конгресса, я представила, как несчастному, ни ухом ни рылом не сведущему в деле русскоязычного книжного бизнеса в Израиле миллионеру выкручивают руки акулы-конгрессмены, заставляя купить акции нашей фирмы и как он отбивается и лягается, но не может отбиться, ибо связан с этими акулами общим великим делом защиты евреев.

В первые же дни, проходя по длинному и вечно темному, как бомбоубежище, коридору «Курьера», Христианский остановил меня и, покровительственно приобняв за плечо, сказал:

– Показать вам человека, одна минута которого стоит безумных долларов?

За стеклянной перегородкой в соседней комнате сидела абсолютно израильская по виду компания – несколько джентльменов в расстегнутых рубашках с закатанными рукавами и в мятых брюках, подпиравших круглые животы.

– Которого вы имеете в виду? – спросила я.

– А вон того, что похож на рыжую свинью.

Добрая половина компании была похожа на рыжих свиней. Но один из них был просто альбиносом.

Я взглянула на Христианского – по лицу его струилось непередаваемое выражение ласковой восхищенной ненависти...

Время от времени в нашем зале возникала и плыла над барьерами кабинок белая шевелюра Бромбардта, потом появлялась его сонная физиономия, с которой всегда хотелось смахнуть, как пыль, белые брови и ресницы, физиономия с вечной спичкой, зажатой в зубах.

Когда Христианский кивком указывал ему на вечно расстегнутую пуговицу, он, меланхолично воскликнув «Soggy!», хватался за рубашку или ширинку.

Так вот, акции фирмы принадлежали поровну Бромбардту и Всемирному еврейскому конгрессу. Поэтому члены конгресса входили в совет директоров фирмы «Тим'ак». А главую совета директоров являлся сам Иегошуа Апис, он же Гоша, знаменитый бывший отказник – фигура туманная, влиятельная, и как многие намекали – небезопасная. Заседал совет директоров не реже, чем раз в месяц.

– А сколько служащих в фирме «Тим'ак»? – спросила я Риту в первый день.

– Трое, – сказала она, подумав. – Я, ты и Катька.

– А Христианский?

– Он член совета директоров, – ответила Рита, как обычно вслушиваясь в дополнительный смысл слов. – И главный редактор.

Мне эта ее манера говорить напоминала повадки классного студийного фотографа, который, прежде чем щелкнуть, долго «ставит кадр», возится с лампами, поминутно отскакивает к камере, снова подбегает к модели, чтобы чуть-чуть повернуть подбородок влево... Наконец, окинув взыскательным взглядом художника всю картину, «делает кадр».

С Ритой случилось в Израиле вот что: на второй день после приезда она увидела в автобусе старого марокканского еврея, подробно ковыряющего в носу. Это зрелище вызвало у нее сильнейший культурный шок. Из памяти ее мгновенно выветрились свинцовые чиновники ОВИРа, остервенелое хамство московских голодных толп, пьяная баба, колотившая ее кулаком по спине на станции метро «Филевский парк», – все провалилось в волосатую ноздрю старого сефарда. С тех пор израильтяне были для нее – «они». Понимаешь, у них совсем, совсем другая ментальность, говорила Рита.

Катька же – та, которую вначале я приняла за подростка, – оказалась личностью дикой и трогательной. Катьку пожирал огонь социальной справедливости. Он горел в ее круглых черных глазах, и отблеск этого огня лежал на всех обстоятельствах Катькиной биографии. Она постоянно с кем-то или с чем-то воевала. Вообще Катька была убеждена, что прежде всего каждому нужно дать в морду. А если вдруг человек хорошим окажется – потом, в случае чего, и извиниться можно.

Катька была урожденной и убежденной москвичкой, савеловской девочкой, которую в Израиль приволок муж, и потому рефреном всех Катькиных разговоров было: «Идиотская страна!»

– Идиотская страна! – возбужденно начинала Катька, едва появившись в дверях и бросив сумку на свой стол, и далее мы с Ритой и Христианским выслушивали очередную историю молниеносного сражения Катьки с кем-то или чем-то по пути на работу.

Когда не попадалось под руку никого из посторонних, Катька воевала с мамой, двумя своими детьми – Ленкой и Надькой – и со своим мужем, высококлассным системным программистом, в домашнем обиходе носившим кличку «Шнеерсон».

При всем том Катька была человеком еще невиданной мною, какой-то глубинной, перевозанной доброты. Можно сказать, все ее существо поминутно пронизывалось грозowymi разрядами положительных и отрицательных импульсов. Охотно могу себе представить, как, подравшись в автобусе и до крови расквасив обидчику физиономию, Катька, растрогавшись от вида чужого несчастья, рвет на полоски лучшую свою юбку, чтобы перевязать пострадавшего.

Словом, что тут долго рассусоливать: Катька обладала давно описанным, отстоявшимся в веках и очищенным литературой русским национальным характером, живописно оттененным ярко выраженной еврейской внешностью. Неизбежная мутация в условиях *галута*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.